

Идеологическое обеспечение политического курса властвующей элиты России

Александр Шатилов

Уже в 70-х – 80-х годах наблюдалось идеологическое «обмирщение» отечественной элиты, которая лишь формально придерживалась коммунистической стилистики и риторики, а на деле проводила вполне прагматичный политический и социально-экономический курс. Уже тогда правила игры внутри советского истеблишмента предполагали надмировоззренческую корпоративную солидарность правящего класса и его покровительственно-надменное отношение к верящим в идеалы народным массам. Нужно отметить, что такого рода «игра в идеологию» могла продолжаться достаточно долго (как это происходит до сих пор в КНДР), однако моральный износ коммунистического проекта оказался настолько глубоким, что советский истеблишмент был вынужден форсировать модернизацию режима (в том числе политическую и идеологическую).

Встав с середины 80-х годов на путь перестройки, а затем и радикальных реформ, элита СССР отставала в том числе и свои вполне корыстные интересы. Советским партийным, хозяйственным и силовым бонзам требовалась конвертация своего условного управленческого капитала во вполне реальные финансово-экономические активы, «частное» использование которых в условиях сохранения коммунистической системы было просто невозможно.

ШАТИЛОВ Александр Борисович – кандидат политических наук (Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации), заместитель генерального директора Центра политической конъюнктуры России. *E-mail:* absh71@yandex.ru

Ключевые слова: элита, модернизация, идеология, «суверенная демократия», «глобальное акционерное общество», стабильность.

Для столь существенных преобразований требовалась соответствующая массовая поддержка и новая идеологическая база, способная дать морально-этическое обоснование слову устаревшего режима и ниспровержению ранее незыблемых догм.

И здесь у российской (тогда еще советской) элиты было два пути: национально-патриотический и либеральный. При этом каждый из них имел и свои «группы поддержки», и свой потенциал мобилизации населения на некоммунистической основе.

Так, *национально-патриотический проект* предусматривал резкое повышение статуса русской нации до государствообразующей и титульной, возврат от светского государства к религиозному (в диапазоне от умеренного клерикализма до православного фундаментализма), активную игру на патриотических чувствах граждан и их «генетической» нелюбви к Западу, «осторожный антисемитизм». Этот путь вел к установлению «национальной диктатуры» и наведению порядка железной рукой. При этом в социально-экономической сфере допускалась возможность введения элементов «ограниченного капитализма», «дирижизма» и «функциональной частной собственности».

Однако такой путь развития страны представлялся советской элите весьма рискованным.

Во-первых, национально-патриотический проект вызвал бы жесткое противодействие со стороны США и их союзников, которые боролись с коммунистической «империей зла»

явно не для того, чтобы на ее месте возник «Третий Рим».

Во-вторых, «великодержавная» модернизация была чревата междоусобицей внутри самой элиты, которая изначально формировалась как «межнациональная».

В-третьих, неизбежное введение диктаторского правления пугало истеблишмент, который после «сталинских чисток» и «андроповского закручивания гаек» зарекся «играть в вождя».

Что же касается *проекта либерализации и демократизации*, то он казался более компромиссным, поскольку практически не ущемлял интересы ведущих властных групп и позволял им провести передел собственности и сфер влияния без масштабной внутриэлитной войны.

Так российские элиты обеспечивали себе контроль над политическим и экономическим потенциалом наиболее ресурсоемкой части СССР, а элиты в национальных республиках повышали свой статус до уровня «суверенности» и получали право единоличного распоряжения собственными ресурсами.

В итоге, отмечает А. Аринин, как ни парадоксально, «сговор правящих элит во многом predetermined мирный характер распада СССР. Между тем определённые международные силы в целях захвата природных ресурсов и территорий России готовили сценарий распада Советского Союза по югославскому варианту – с гражданской войной и большими человеческими жертвами. Конечно, в ряде регионов кровь всё-таки пролилась, но масштабной гражданской войны удалось избежать»¹.

Для реализации либерального проекта модернизации понадобилась соответствующая идеологиче-

ская обработка населения, которая осуществлялась по двум направлениям. С одной стороны, проводилась целенаправленная политика по дезавуации советского наследия и преодолению «нерыночных» стереотипов граждан СССР, а с другой – на контрасте с деградирующей социалистической системой пропагандировались в качестве «современных» и «успешных» идеи политической демократии, свободного рынка, парламентаризма, многопартийности и пр. И опять же – «ничего личного»: представители элиты (за редким исключением) не являлись искренними адептами либерализма, они исходили из вполне рационально понимаемой выгоды, которую сулил им этот идеологический проект.

Всю относительность «либерально-демократического настроения» правящего постсоветского российского истеблишмента продемонстрировали события сентября-октября 1993 г. и первая чеченская война, которые сопровождались вопиющими отклонениями от базовых принципов либеральной идеологии и многочисленными нарушениями прав и свобод человека. При этом стоит отметить, что отечественная элита в этом плане мало чем отличалась от своих западных «коллег», которые откровенно пренебрегают либеральной догматикой в случае угрозы своим корпоративным интересам (вспомнить хотя бы маккартизм, войну во Вьетнаме, уничтожение общины «Храма народов» в Гайане, «принудительную демократизацию» Югославии, Ирака, Ливии и др.).

Как пишет в своей статье М. Белоусова, «с точки зрения политических элит, жалобы на

нарушения прав человека – удел слабых и неспособных. В отличие от рядовых граждан они не апеллируют к абстрактному “государству” как источнику или нарушителю их прав. Находясь “внутри” государственной системы, они располагают дополнительными эффективными ресурсами (административный, клановый, финансовый) для защиты и реализации своих прав. Таким образом, они отделяют себя от «остальных», воспринимая реализацию прав человека как нечто зависящее (производное) от борьбы за власть»².

При этом идеологический заряд либерализма с точки зрения воздействия на массы оказался достаточно слабым: его хватило на то, чтобы сломать прежнюю Систему и перекантоваться на этапе становления новой российской государственности, но не более. Уже в 1995–1996 г. либеральный проект стал терять актуальность и привлекательность, что продемонстрировали, в частности, выборы в Госдуму второго созыва, а также «проблемная» президентская кампания Б.Н. Ельцина.

Несмотря на «вымученную» победу правящего истеблишмента в президентской гонке 1996 г., стало ясно, что этот успех является последним, если не будет кардинальным образом пересмотрен идеологический антураж российского постсоветского режима. Либерализм уже откровенно враждебно воспринимался массами, и появлялось все больше политиков (системных и несистемных), стремившихся на волне идеологического недовольства прийти к власти.

Так, на оппонировании либеральному проекту в конце 90-х годов сделали себе имя сперва руководитель Движения в поддержку армии генерал Л.Я.Рохлин, а затем лидеры блока «Отечество – вся Россия» Ю.М.Лужков и Е.М.Примаков.

О кризисе идеологии либерализма в России тех лет можно найти свидетельства многих очевидцев, но примечательно, что это признают не только противники демократов, но и сами представители либерального лагеря «ельцинской» эпохи.

В частности, экс-губернатор Ярославской области А.И.Лисицын, один из адептов либеральных реформ 90-х годов, в своих воспоминаниях признает, что в конце правления первого президента России «демократические, рыночные и прозападные взгляды политиков разделялись обществом все меньше: призывы к достижению личной свободы и правового государства не подкреплялись экономическими благами и практическими государственными действиями, а потому выглядели голословными и демагогическими»³.

Поэтому правящей элите понадобился новый идеологический поворот, способный, с одной стороны, консолидировать элиту, а с другой – удовлетворить запросы населения страны.

Ставка была сделана на идеологию неоконсерватизма, получившую свое российское воплощение в начале 2000-х годов в концепте «суверенной демократии». Данный интеллектуальный замысел, несмотря на жесткую критику со стороны оппозиции за «абстрактность» и «эклектичность», нес в себе ряд важных смыслов⁴.

Прежде всего впервые после 1991 г. страна получила вариант национальной идеи, которая в целом на тот момент отвечала настроениям общества.

Так, при всем своем негативном отношении к Б.Н.Ельцину и его курсу большинство граждан России не были готовы «вернуться в прошлое»

и отказаться от пусть и вполне условных, но «демократических» и «рыночных» реалий. Но при этом на рубеже 90-х – 2000-х годов отчетливо ощущался социальный запрос на державность и патриотизм, а населению требовалась компенсация за национальное унижение, связанное с крушением Советского Союза. В этом плане «суверенность» фактически становится умеренным ответом на имперские, а где-то даже националистические устремления россиян.

Кроме того, концепт «суверенной демократии» позволил власти в начале 2000-х годов снизить градус социального противостояния в обществе и мобилизовать массы на основе «социального компромисса». И это притом что в конце 90-х годов, особенно после финансово-экономического обвала 1998 г., социальное размежевание в России достигло своего апогея, едва не дойдя до классовой борьбы.

Об этом пишет, например, К.Клеман: «На период с 1997 по 1999 годов пришелся пик коллективных действий, отмеченный такими явлениями, как “рельсовая война”, продолжительные эксперименты рабочего контроля над производством (например, на целлюлозно-бумажном комбинате Выборга, на Ясногорском машиностроительном заводе), или “палаточные городки” (например, в Ярославле или Астрахани). В то же время кризис легитимности власти достиг своего апогея. Стачки и демонстранты требовали отставки Ельцина и жестко противостояли новым собственникам, купившим заводы с целью перепродажи или спекуляции. Недовольство политической властью и олигархами нарастало»⁵.

Но особое значение «суверенной демократии» стоит отметить с точки зрения примирения российской элиты, которая в последние годы правления Б.Н.Ельцина находилась в со-

стоянии перманентных конфликтов и информационных войн.

С приходом к власти В.В.Путина отечественный истеблишмент приобретает отчетливую двуличность: одну его часть составили так называемые «питерские либералы-прагматики», работавшие с новым президентом России в мэрии Санкт-Петербурга, другую – «силовики», выходцы из спецслужб. При этом если первые были сторонниками «умеренной демократии» и рыночной экономики, то вторые придерживались скорее авторитарных и державно-патриотических позиций.

Соответственно, концепт «суверенной демократии» позволил примирить эти два сообщества, дав каждому из них необходимую идеологическую надстройку для проведения в жизнь собственной политической и социально-экономической линии.

Позже концепция «суверенной демократии» органично (с точки зрения приоритетов российских элитных групп) была дополнена идеей участия России в «глобальном акционерном обществе».

Эта идея зарождается после прихода к власти В.В.Путина, однако ее активная практическая реализация начинается как раз при Д.А.Медведеве.

В течение первых лет XXI в. страна была вынуждена заниматься внутренним обустройством. Именно на этот период приходится перестройка политической системы и федеративных отношений, активные социальные и экономические реформы, формирование новой повестки дня для России как современного, демократического и в то же время сильного государства. При этом в

2000–2006 гг. руководство страны еще не могло позволить себе проводить активную внешнюю политику: были слишком велики внутриполитические и внутриэкономические риски и «перегрузки». А потребность в таковой явно ощущалась: на постсоветском пространстве одна за одной свершались «цветные революции», НАТО все ближе придвигалось к границам России, одновременно появилась угроза развертывания системы ПРО в Европе.

Кроме того, несмотря на объективно возникшую потребность в преодолении униполярности (в связи с появлением де-факто политических и экономических альтернатив новому мировому порядку США), никто из ведущих государств мира (даже КНР) не осмеливался напрямую заявить Вашингтону о необходимости поделиться глобальным «контрольным пакетом акций». Эту миссию взял на себя В.В.Путин во время своей мюнхенской речи 10 февраля 2007 г., в которой он заявил о недопустимости сохранения мировой монополии Вашингтона в современных условиях.

«Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах, военной силы, силы, ввергающей мир в пучину следующих один за другим конфликтов. В результате не хватает сил на комплексное решение ни одного из них. Становится невозможным и их политическое решение. Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того, отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере – и навязывается другим государствам. ...И это, конечно, крайне опасно»⁶.

Одновременно была заявлена главная идея новой российской внешней политики: отныне окрепшая Российская Федерация станет претендовать на свою долю в мировом глобальном «акционерном обществе» и будет жестко отстаивать свои интересы, исходя из величины своего «пакета».

Можно выделить основополагающие принципы стратегии участия России в «глобальном АО».

Прежде всего это прагматичное и жесткое отстаивание своих прав на влияние в мире, соответствующее проценту «контролируемых акций», в диалоге со своими международными партнерами.

Так, например, в этой связи нельзя не отметить жесткую, но в рамках международной процедурной практики, реакцию Москвы при ее проверке на «уступчивость» в войне «08.08.08», когда с подачи США режим Михаила Саакашвили поставил под сомнение авторитет России не только в Закавказье, но и на Кавказе в целом.

В этой ситуации поддержка Южной Осетии и Абхазии со стороны Москвы стала фактически вынужденной, поскольку их «сдача» угрожала стабильности ситуации в регионе и была чревата вытеснением оттуда России. При этом стоит отметить, что сила, использованная в данном конфликте, в целом была дозированной. Несмотря на призывы российских «ястребов» «жестоко покарать агрессора», «взять Тбилиси» и пр., данные боевые действия не превратились в войну с грузинским народом, а стали лишь демонстрацией готовности России взять на себя ответ-

ственность за стабильность ситуации на постсоветском пространстве.

Тесно была взаимосвязана с вышеуказанными событиями и активизация России в рамках ОДКБ, которой она стремилась (и стремится) превратить в мощный военно-политический блок, в оплот защиты постсоветского пространства от «рейдерства» со стороны США и Евросоюза. При этом также прагматично учитывается, что большинство постсоветских государств заинтересовано в материальной поддержке со стороны России, обеспечиваемой в том числе и по линии евразийского экономического партнерства.

Кроме того, с учетом объективного роста протестных настроений руководство стран «пророссийского пула» держит в уме возможность силовой поддержки со стороны ОДКБ в случае внутренних вызовов стабильности (массовых беспорядков, путчей, «цветных революций»).

Еще один принципиальный момент связан с последовательным отстаиванием Россией (например, в период «газовой войны» с Киевом в январе 2009 г.) приоритетов своей энергетической политики. Так, с одной стороны, отечественная элита стремилась избавиться от «посреднических фирм» в лице Украины и Белоруссии, которые своими регулярными демаршами лишь затрудняли энергодиалог с ЕС, а с другой – приглашала к широкому сотрудничеству европейский бизнес через реализацию проектов «Северного» и «Южного» потоков. Другое дело, что контрагенты не всегда желали учитывать отечественные интересы и вместо укрепления партнерских связей зачастую старались навязать

Российской Федерации либо заведомо невыгодную Энергетическую хартию, либо «диверсификацию поставок сырья» в обход России. Отсюда и жесткость позиции Москвы в защите своих нефтегазовых приоритетов.

Характерной чертой стратегии участия в «глобальном акционерном обществе» является и отказ руководства России в 2000-х годах от эмоциональности и иррациональности в своих внешнеполитических действиях. Оно старалось придерживаться общепринятых правил игры, апеллировать в своих внешнеполитических маневрах к международной практике и международному праву, не стремилось в отличие, например, от ряда инициатив Уго Чавеса или Ким Чен Ира шантажировать своих «соакционеров». Определяющим здесь стал принцип возможностей: если есть возможность перехватить «по закону» у конкурентов какой-либо бизнес-актив, Россия это делала.

Это же касалось и взаимодействия в рамках Содружества Независимых Государств. В 2000-е годы Россией был взят курс на достижение прагматизма в отношениях с внешнеполитическими партнерами, в том числе и в СНГ.

С одной стороны, такой курс выглядел вполне оправданным: методы «задабривания» и «покупки лояльности», используемые в 90-х годах, принесли весьма плачевные результаты. Выработав у партнеров «хватательный рефлекс» и спровоцировав с их стороны паразитическое отношение к себе, Россия не только не сумела закрепиться в этих государствах, но и допустила их постепенный дрейф в сторону Запада. С другой стороны, российская элита учитывала, что

если страна претендует на статус великой державы, то ей в любом случае нельзя отказываться от контроля над зоной своих национальных интересов, которой, без сомнения, является постсоветское пространство. При этом страна должна быть готова и к определенным «тратам», только уже в качестве компенсации не за абстрактную «любовь», а за вполне конкретные взаимные уступки.

Соответственно, «геополитические амбиции не должны игнорировать экономические интересы и политические реалии. Российская Федерация стремится... обрести новое равновесие и занять более высокое место на ставшей уже глобальной арене. Из сказанного следует необходимость поддержания баланса между амбициями и ресурсами, вложениями и приобретениями. Критерием при этом могут служить лишь национальные интересы самой Российской Федерации»⁷.

Прагматизм России предполагает и ее обязательное встраивание в систему международных институтов, чтобы не отдавать их на откуп своим конкурентам, через глобальные структуры отстаивать свои интересы и доносить свою позицию до международного сообщества. Поэтому наша страна принимает участие не только в работе таких «нейтральных» организаций, как ООН, но и активно сотрудничает со своими традиционными критиками вроде ОБСЕ, Еврокомиссии и пр.

Еще одной, и, пожалуй, главной, чертой стратегии участия в «акционерном обществе» является борьба за признание России равноправным партнером со стороны мировых стран-лидеров. И хотя на Западе зачастую преобладает негативный подход к этому вопросу, обусловленный, с одной стороны, исторически-

ми комплексами (вроде «Русские идут!» или «О чем можно договариваться с варварской Россией?»), а с другой – скепсисом относительно современного состояния нашей страны (она-де «не является больше сверхдержавой»). Но у нас все же имеется масса «конкурентных преимуществ» – начиная от наличия мощного арсенала ядерных вооружений и заканчивая огромной ресурсной базой.

Несмотря на критику со стороны оппозиции, идеологические тренды «суверенной демократии» (соединение «патриотических» и «либеральных» ценностей) и «участия в глобальном акционерном обществе» (примирил «западников» и «автаркистов») были в целом позитивно восприняты и гражданами, которые нуждались на тот момент в утверждении стабильности под контролем сильной, ответственной и консолидированной власти. Одновременно населению импонировал стиль «драйва», являвшийся составной частью идеологического проекта «суверенной демократии». Именно с этим был связан рост стихийно-патриотических настроений, наблюдавшийся в российском обществе вплоть до конца 2008 г.

Этот вид патриотизма имела мало общего с традиционными патриотическими воззрениями с их «любовью к родному пепелищу и отеческим гробам». «Стихийный патриотизм» базировался на совершенно иных основаниях. В частности, он был современным (предполагал движение вперед с учетом достижений технического прогресса), агрессивным (хотя такая его энергия была на-

правлена в основном «вовне»), иррациональным (по принципу «главное ввязаться в драку, а дальше порвем всех»).

Подобный общественный энтузиазм подпитывался соответствующим информационным и культурно-творческим «креативом», начиная от фильма «Брат-2» и кончая песней Глюк'оЗы «Танцуй, Россия и плачь, Европа». Также подобный настрой пронизывал практически все форумы на Селигере, которые с середины первого десятилетия 2000-х годов стали проводить прокремлевские молодежные движения.

Одновременно режим «иллюстрировал» эффективность «суверенно-демократической» политики громкими достижениями и масштабными победами.

Так, наивысшей точкой «стихийного патриотизма» граждан России стал период 2007–2008 гг. Именно тогда Россия как в былые годы громит статусных противников на спортивных аренах (чемпионат мира по хоккею, чемпионат Европы по футболу и баскетболу и пр.), в стране скачкообразно растет уровень материального благосостояния, иницируются и реализуются мегапроекты (Олимпиада в Сочи, форум АТЭС, чемпионат мира по футболу, «Северный» и «Южный» потоки и пр.).

Но пиком популярности власти и постулируемой ею идеологической конструкции становится война с Грузией в августе 2008 г.: российское общество с неподдельным восторгом восприняло «легкий» разгром войск Саакашвили и признание Абхазии и Южной Осетии в качестве суверенных государств.

Не исключено, что именно под влиянием такой эйфории в развитие концепта «суверенной демократии» властью был выдвинут проект «инновационного развития России», который предполагал не просто восстановление страны в качестве великой

державы, но делал заявку на ее утверждение в качестве одного из глобальных лидеров.

Как свидетельствует один из «креативщиков» Администрации президента Д.Бадковский, «переход к модернизационной политике планировался на базе постепенно и, скорее всего, достаточно компромиссного, растянутаго во времени перерастания в модернизационный план прежней стратегии максимальной капитализации конъюнктурного благополучия «нулевых годов».

Два события – пятидневная война на Кавказе (август 2008 г.) и... экономический кризис – существенно повлияли и сделали невозможным дальнейшее существование этой базовой логики «медленного старта» модернизационного курса»⁸.

Однако разразившийся мировой финансово-экономический кризис поставил российскую элиту перед нелегким выбором. Начинается борьба идеологических проектов выживания и развития государства и общества в условиях негативной политической и экономической конъюнктуры. Все это провоцирует внутреннее размежевание в отечественном истеблишменте, дифференциацию его на адептов «мобилизационного сценария» и сторонников «либерализации режима».

Первые, группировавшиеся в основном вокруг В.В.Путина, предлагали «жесткий путь», связанный с ужесточением внутренней политики и выстраиванием относительно авторитарной «Крепости-Россия» во внешней среде.

Вторые же (центром притяжения для них стал Д.А.Медведев) полагали, что руководство России не должно отказываться от участия в «глобальном акционерном обществе», а внутри страны целесообразнее всего проводить гибкий курс «маневра и ком-

промисса», предусматривающий «дозированную демократизацию».

С учетом относительного равенства сил противоборствующих сторон и неопределенности позиции бюрократии и бизнеса после возвращения на президентский пост В.В.Путина выбор был сделан в пользу аппаратного компромисса – сочетания элементов двух вышеуказанных проектов, а идеологический профиль режима, ранее и так весьма размытый, теперь вовсе утратил какие-либо мировоззренческие очертания.

Не исключено, что тактически такая позиция руководства страны была мотивирована – в условиях нарастающего «морального износа» власти и обострения политического противостояния в обществе – целесообразностью сохранения хотя бы относительного единства рядов правящего класса, чтобы не допустить перехода отдельных элитных групп в лагерь оппозиции. Тем не менее такой «эkleктичный» подход в современных условиях (в отличие от «нулевых») является для власти весьма рискованным.

Во-первых, он не учитывает внешний фактор, а проводимая США кампания по демонтажу «авторитарных режимов» делает вполне вероятным вмешательство Запада во внутренние дела России на стороне «несогласных». И в этой ситуации идеологическая «рыхлость» режима будет играть лишь против него.

Во-вторых, в российском обществе имеется запрос на «концептуальность» проводимого властью политического и социально-экономического курса. Опросы общественного мнения показывают, что большая часть населения

России ждет от руководства страны активной позиции и формулирования четких и понятных идеологических приоритетов.

В этом плане «тренд стабильности» фактически исчерпал себя, и в настоящий момент ощущается за-

прос на перемены, правда, пока еще под эгидой власти⁹. Если же на этот запрос руководство страны не сможет или не захочет ответить, то такая ситуация чревата переходом идеологической инициативы к неприемлемой оппозиции.

Примечания

- ¹ Аринин А. Причины и итоги распада СССР // URL: <http://www.lawinrussia.ru/node/33031>
- ² Белоусова М. Права человека как зона разногласий и консенсуса элит и населения РФ // Российский бюллетень по правам человека. 2010. № 28. С. 35 // URL: <http://www.hrighs.ru/text/b28/bul28.htm>
- ³ Лисицын А., Миклин А. Либеральная революция в России. Изнанка. М., 2009. С. 201.
- ⁴ Сурков В.Ю. Национализация будущего. Параграфы PRO суверенную демократию. М., 2008. С. 43–57.
- ⁵ Клеман К. Институциональный контекст коллективных действий // Институциональная среда, структуры и факторы коллективных действий в России. М., 2005. С. 169.
- ⁶ Цит. по: URL: <http://dokumentika.org/ru/tv-video/vistuplenie-v-putina-na-miunchenskoj-konferentsii-2007-g>
- ⁷ Тренин Д. Россия и страны СНГ: «взросление» отношений // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=84
- ⁸ Демократия: перезагрузка смыслов. М., 2010. С. 125.
- ⁹ Итоги 2011 года: Россия накануне нового этапа модернизации. Тематический аналитический доклад ЦПКР. М., 2011. С. 5.